

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1 : 316

А. В. Готнога

Рентные механизмы воспроизводства будущего общества

В статье раскрываются рентные механизмы в экономике, которые, как прогнозирует автор, будут усиливать свое влияние на все сферы жизнедеятельности общества в будущем. Показано, что замещение прибыли рентой вступает в противоречие с исторической тенденцией перехода от закона стоимости к закону прибавочной стоимости как регулятору экономических отношений.

The article reveals rental mechanisms in economics, which, as the author forecasts, will increase its influence on all spheres of future society. It's shown that the substitution of profit by rent contradicts the historical trend of transition from the law of value to the law of surplus value as the regulator of economic relations.

Ключевые слова: внеэкономическое принуждение, рентные механизмы, отрицание отрицания, закон зеркальности, закон стоимости, закон прибавочной стоимости, сервисно-рентное общество.

Key words: extra-economic coercion, rental mechanisms the negation of negation, the law of specularity, the law of value, the law of surplus value, service and rental society.

Отсутствие личной свободы в экономических отношениях указывает на общественный способ производства, основывающийся на *внеэкономическом принуждении*. Именно последнее обстоятельство является подлинной причиной ренты [13, с. 353, 355].

Внеэкономическое принуждение есть инструмент, используемый собственником средств производства по отношению к непосредственному производителю с целью присвоения прибавочной стоимости. Таким образом, можно определить ренту как прибавочную стоимость, присваиваемую собственником средств производства посредством механизмов внеэкономического принуждения. Механизмы внеэкономического принуждения далее мы будем называть *рентными механизмами*. Внеэкономическое принуждение, однако, было атрибутом

докапиталистических способов производства – рабовладельческого (античного), феодального и «азиатского». Распространение рентных механизмов в современной экономике, следовательно, говорит о том, что капитализм вступил в завершающую стадию своего существования, в стадию упадка. С точки зрения диалектики в стадии упадка проявляются формы производственных отношений, соответствующие более низкой, чем капитализм, ступени исторического развития. Объясняется это действием закона отрицания отрицания, согласно которому в процессе развития не может быть как полной повторяемости, так и полного отрицания. Методологическое значение данного закона таково, что для исследователя, принимающего его в расчет, в равной степени неприемлемы какие-либо односторонние интерпретации и концепции развития, будь то циклические или линейные. Как писал Б.М. Кедров, «...развитие совершается не по кругу и не прямолинейно, а криволинейно, по спирали, в которой соединяются оба противоположных момента: цикл и прямая линия» [10, с. 39].

Рента была основной формой дохода при рабовладельческом, феодальном и «азиатском» способах производства, которые в логическом аспекте можно рассматривать как стороны одного и того же способа производства, основывающегося на внеэкономическом принуждении. Если бы мы проигнорировали действие закона отрицания отрицания, то должны были прийти к выводу, наблюдая вытеснение прибыли рентой, что история повернула вспять, а следовательно, признать движение по кругу естественным для процесса общественного развития. Наоборот, опираясь на закон отрицания отрицания, мы нацелены разглядеть в этом как бы возврате к старому контуры будущего, более прогрессивного способа производства, который приходит на смену капитализму.

Переход к новому, более прогрессивному способу производства в то же время есть регресс старого способа производства. Другими словами, восхождение общества по большому витку спирали истории вообще сочетается с движением по «нисходящей ветви социальной эволюции» малого витка истории капитализма в частности. Как утверждал А.А. Зиновьев, на «нисходящей ветви социальной эволюции» вступает в силу «закон зеркальности». Это означает следующее: «На нисходящей ветви эволюции действуют те же общие социальные законы, что и на восходящей ветви, но действуют именно как зеркальное отражение их действия на восходящей ветви, т. е. одновременно похоже, но и наоборот» [8, с. 418]. Действительно, на восходящей ветви развития капитализма прибыль, а не рента была основной формой прибавочной стоимости. Напротив, сейчас мы видим, как рента и

прибыль вновь меняются местами. Есть и другие признаки упадка капиталистического и становления нового, более прогрессивного способа производства. Прежде всего, это касается деформации закона стоимости. Многие исследователи, замечая, что последний перестает работать, обращают этот факт против трудовой теории стоимости К. Маркса, вместо того чтобы увидеть в нем симптом вырождения капитализма.

Как известно, закон стоимости не является специфическим законом капиталистического способа производства. Это закон товарного производства вообще. Однако если на докапиталистической стадии развития общества он лишь спорадически и фрагментарно регулировал экономические отношения, то в условиях капитализма как зрелой стадии товарного производства данный закон обрел полную силу и всеохватывающий характер. Сегодня сторонники концепции «информационного» общества утверждают, что закон стоимости представляет собой анахронизм. «Важно отметить, – пишет Г.Ф. Сунягин, – что информационный труд высшей квалификации, творчество новаций на уровне мысли не поддаются исчислению в стоимостных категориях, и поэтому здесь не работает теория стоимости и не применимы понятия, связанные с товарно-денежными отношениями» [17, с. 60]. Схожие мысли высказывают и некоторые марксистские исследователи.

Проблема, на наш взгляд, заключается не в том, что «информационный» труд не поддается «исчислению в стоимостных категориях» (ведь, строго говоря, любой труд не может исчисляться стоимостью, так как, наоборот, стоимость исчисляется трудом), а в неправомерности считать его источником стоимости, каковым является труд физический. Отмеченная рядом исследователей тенденция связана с развитием так называемого «нематериального» производства. М. Хардт и А. Негри, например, утверждают, что сегодня в мире происходит смена «парадигм» производства: материальное производство уступает место «нематериальному». Это влечет за собой размывание привычных для эпохи «фордизма» границ рабочего времени, поскольку «нематериальный» труд не нуждается в строгой пространственной привязке к определенному месту производства, с одной стороны, а само место производства становится многофункциональным, предлагая не только условия труда, но и «отдыха» с целью как можно дольше удержать работника на своем рабочем месте – с другой. Таким образом, «четкие ритмы фабричного производства и присущее ему резко выраженное деление на рабочее и свободное время начинают ослабевать в сфере нематериального труда» [18, с. 184].

Но обратимся к такому явлению, как «макдональдизм», концепцию которого разработал американский социолог Дж. Ритцер. Эта концепция опровергает позицию сторонников «постфордизма», что так называемое «нематериальное» производство «неизмеримо». Вместе с тем, известный социолог пытается дополнить политэкономию К. Маркса, включив в предмет социального анализа «средства потребления» (рестораны быстрого питания, крупные универмаги, мегамаркеты, торговые центры, оптовые магазины, казино-отели, парки развлечений, круизные морские лайнеры и т. д.) [16, с. 501–504]. Однако, несмотря на растущие мощности так называемых «средств потребления», следует понять, что они от этого не превращаются в новые условия создания стоимости. С точки зрения модели капиталистического способа производства, разработанной К. Марксом, мы должны отнести все эти «средства потребления» к сфере обращения капитала, в которой прибавочная стоимость и стоимость вообще лишь реализуются. Капитал, участвующий в обращении, конечно, получает прибыль. Как это происходит, К. Маркс объяснил на примере торгового (купеческого) капитала [12, с. 314].

Очевидно, что с беспрецедентным разбуханием сферы потребления гипертрофически возрастает и капитал, задействованный лишь в сфере обращения. Следовательно, норма промышленной прибыли должна сократиться. Здесь мы должны обратить внимание на следующую историческую закономерность, подмеченную К. Марксом. В ходе исторического развития именно в сфере обращения прежде всего «образуется общая норма прибыли», а капиталом, определяющим цены товаров по их стоимостям, был торговый, а не промышленный [12, с. 315]. Сегодня эта тенденция вновь становится доминирующей, т. е. проявляется «закон зеркальности», что служит подтверждением того, что капитализм сегодня «сползает» по нисходящей ветви социальной эволюции.

Дело вовсе не в «финансиализации» капитала, как, например, считает Дж. Арриги [1, с. 192–193]. На наш взгляд, проблема лежит гораздо глубже. Сам капиталистический способ производства сходит с исторической авансцены. Если производство сегодня все в большей мере концентрируется в странах, где отсутствует личная свобода, то прибавочная стоимость, производимая там и потребляемая капиталом в «ядре» мирового капитализма, является результатом способа производства, основывающемся на внеэкономическом принуждении. Более того, и сами капиталисты в самом «центре» мировой системы разделения труда все больше превращаются в рантье, получающих вместо прибыли финансовую и другие формы ренты.

Еще Д. Белл заметил, что в сфере услуг производительность труда ниже, чем в сфере промышленного производства [2, с. 209]. Соответственно, ниже и заработная плата [9, с. 522]. Сам этот факт уже должен был навести на мысль, что развитие так называемого третичного сектора в капиталистическом обществе, уже перешагнувшем черту зрелости, выполняет компенсаторную функцию, причем не только в плане утилизации теряющего свою рентабельность капитала. Утилизируется, таким образом, и избыточная масса ранее занятых в промышленном производстве работников. Вопреки ожиданиям теоретиков «постиндустриализма» расширение сферы услуг сопровождается развитием не высокоинтеллектуальных, а трудоемких видов деятельности, ставящих наемных работников в личную зависимость от их работодателей. Растут и множатся ряды «неоприслуги», что подталкивает, например, Р. Кастеля, одного из крупнейших современных исследователей проблем наемного труда, признать: «Мы оказываемся вне современных отношений найма и даже вне той формы, которую они имели в начале индустриализации...» [9, с. 520].

Дальнейшая автоматизация производства, на которую уповают некоторые авторы, постепенно охватит и сферу услуг. По мнению В.А. Вазюлина, автоматизация, высвобождая труд из сферы производства, тем самым освобождает его от власти капитала и эксплуатации вообще [4, с. 314]. Наше видение дальнейшего развития общества отличается от данной точки зрения меньшим оптимизмом. Дело в том, что капитал, автоматизируя промышленность и сферу услуг, конечно, подрывает базу своего собственного воспроизводства, поскольку труд является субстанцией стоимости, а капитал есть «самовозрастающая» стоимость. Однако капитал, переставая быть самим собой, вместе с тем, остается частной собственностью. В.А. Вазюлин сравнивает «комплексное автоматизированное производство» с силами природы. Такой силой, например, является земля. Но земля может быть частной собственностью, но не быть капиталом. Собственник же земли может эксплуатировать труд других людей, не будучи капиталистом. Эксплуатируя же последних, он получает не прибыль, а ренту. Аналогичным образом может получать ренту и собственник автоматизированного производства. Правда, между земельным собственником, живущим в докапиталистическом обществе, и собственником автоматизированного производства грядущего общества есть принципиальная разница: последний не нуждается в рабочей силе. Так новому типу ренты удастся перехитрить труд, чего не удавалось сделать до этого его классовым предшественникам. Поэтому надо отдать должное постмодернистам, которые первыми подметили

данную историческую тенденцию, побеждающую закон стоимости, правда, не совсем верно ее интерпретировав, посчитав, что это и есть «чистейший дискурс капитала», очищенный от «диалектов» производственной фазы развития [3, с. 57], тогда как речь должна идти о способе производства, основывающемся на внеэкономическом принуждении. В связи с этим трудно не согласиться со следующим высказыванием И. Валлерстайна: «Постмодернизм как концепция, претендующая на объяснение, лишь запутывает. Постмодернизм как доктрина возвещения, несомненно, наделена даром предвидения» [5, с. 185].

Если мы утверждаем, что в настоящее время наметилась историческая тенденция перехода от экономического способа принуждения к внеэкономическому, то необходимо, во-первых, спуститься в самые недра общественного способа производства, чтобы внимательно рассмотреть, как это непосредственно происходит; во-вторых, продемонстрировать, как вообще возможна эксплуатация человека человеком в условиях абсолютно автоматизированного производства.

В первом приближении, кажется, что внеэкономический способ принуждения несовместим с системой свободного найма. Действительно, с формальной стороны дело выглядит так, что работодателя и работника связывают лишь отношения, определяемые трудовым договором или контрактом. Последний свободно заключается и расторгается, причем его содержание не должно нарушать существующее законодательство. Таким образом, нет никакого внеэкономического принуждения до заключения и после расторжения контракта, т. е. за пределами собственно производственной (трудовой) деятельности. Остается, правда, сам производственный (трудовой) процесс, который, казалось бы, также регулируется трудовым соглашением и нормативно-правовыми актами. Тем не менее, это вовсе не означает, что здесь не могут возникнуть производственные отношения, основывающиеся на внеэкономическом принуждении.

Одно из существенных противоречий капиталистического способа производства состоит в том, что горизонтальные связи (отношения координации) между контрагентами, существующие на рынке, дополняются вертикальными связями (отношениями субординации) внутри предприятий. Строгая иерархия является принципом функционирования любой бюрократической организации, включая корпорации. Там, где существует иерархия, всегда есть способ принудить труд, взимая с него *отработочную ренту*. К. Маркс считал последнюю «самой простой формой» ренты, причем полностью тождественной прибавочной стоимости [13, с. 352]. В феодальном обществе

определить ее было достаточно просто, поскольку отработка была отделена от необходимого труда непосредственного производителя как во времени, так и в пространстве. В современном капиталистическом обществе, уже двигающемся по нисходящей ветви эволюции, контуры отработочной ренты очень размыты. Поскольку юридически это никак не закреплено и не выражено (так как для капитализма неприемлем принудительный труд в принципе), то отработка списывается на некую случайность. То, что эта случайность уже интегрирована в саму систему производственных отношений в качестве ренты, не осознается не только трудящимися, но и самими капиталистами, воспринимающими отработочную ренту в привычных для себя категориях прибыли.

В сфере интеллектуального труда (так называемого «нематериального» производства), где, как точно заметил М. Маяцкий, капитал заставляет «думать о работе 24 часа в сутки» [14, с. 238], масштабы отработочной ренты уже таковы, что можно с твердой уверенностью сказать: не высота ренты здесь определяется нормой прибыли, а норма прибыли – высотой ренты. В связи с этим трудно не согласиться с А.С. Панариным, утверждающим, что «прибавочная стоимость, получаемая современным (буржуазно организованным) обществом, – это использование не предусмотренных системой менового обмена, источаемых как свободный дар энергии, инициативы и воодушевления людей, носящих внеэкономический характер». Однако известный отечественный философ отсюда делает поспешный вывод, что «поэтому и вопрос о природе, источниках и исторических горизонтах этой прибавочной стоимости следует осмыслить не в марксистской, а в какой-то другой парадигме» [15, с. 97]. А.С. Панарин подходит к данной проблеме с метафизической точки зрения, рассматривая капиталистические производственные отношения как нечто данное раз навсегда в неизменном виде, тогда как капиталистический способ производства представляет собой исторический социальный организм, законы которого проявляются специфичным образом в зависимости от достигнутой им стадии жизненного цикла. Если бы А.С. Панарин руководствовался диалектическим методом, то ему не пришлось бы искать опровержение трудовой теории К. Маркса в том факте, что неоплачиваемость труда при капиталистическом способе производства «...выступает дважды: как неоплачиваемость общих социальных, демографических и социокультурных предпосылок производства, которые капитализм получает готовыми – как дары внешней социальной среды промышленному предприятию; и как неоплачиваемость той части рабочего времени, которое продолжается

сверх необходимого – после того как рабочий покрыл себестоимость своей рабочей силы» [15, с. 119]. Неоплачиваемость первого рода есть источник той части прибавочной стоимости, доля которой в соответствии с «законом зеркальности» растет по мере того, как капитализм все дальше сползает по нисходящей ветви собственной эволюции; той части прибавочной стоимости, которая есть рента, а не капиталистическая прибыль, каковой выступает неоплачиваемость второго рода.

Закон стоимости начнет ослабевать лишь тогда, когда по мере развития производительных сил занятость в сфере производства упадет до предельного минимума. Сначала собственники средств производства, а затем и собственники «средств потребления» (Дж. Ритцер) перестанут нуждаться даже в дешевой рабочей силе. В условиях капиталистического способа производства такая ситуация породила бы глубокий экономический кризис, так как капитал из-за массовой безработицы не смог бы реализовать произведенную прибавочную стоимость. Способ производства, который приходит на смену капитализму, с подобным противоречием не сталкивается, потому что ориентирован не на «бесконечный рост капитала» (И. Валлерстайн), а на поиск ренты. Собственность ее владельцу в новых условиях дает, прежде всего, привилегии, «биополитическую власть» (А. Негри и М. Хардт) над вчера еще формально свободными гражданами буржуазного общества, превращая их в подданных и прислугу. Формула Д-Т-Д' здесь теряет всякий смысл. Более того, перестает работать и формула Т-Д-Т, поскольку прекращается собственно товарно-денежное обращение.

Е.Т. Гайдар, описывая общественное производство, полностью охваченное иерархической организацией, писал: «Место формулы Т-Д-Т (товар-деньги-товар), выражающей систему хозяйственных взаимосвязей в товарном производстве, занимает формула иерархической экономики П-Н-П (продукт-начальник-продукт), реализация продукции и получение ресурсов опосредуется вышестоящим органом иерархии» [6, с. 51]. Конечно, известный экономист под иерархической экономикой подразумевал советскую. В будущей же иерархической экономике, опирающейся на «комплексное автоматизированное производство», потребность в «овеществляющем» труде отпадает. Собственник средств производства, т. е. рантье, будет нуждаться скорее в личных услугах, или в «распредмечивании» того, что производится почти без участия человека. Поэтому адекватной формулой грядущего способа производства, по-видимому, будет У-Р-У (услуга-рента-услуга). Отношения, выраженные формулой У-Р-У, далее будем называть *сервисно-рентными*.

Услуги не имеют стоимости, но это не значит, что они бесполезны. Услуги обладают свойством полезности, следовательно, они представляют собой *потребительные стоимости*. Таким образом, сервисно-рендные отношения подчиняются не закону стоимости, а *закону потребительной стоимости*, согласно которому, по В.Я. Ельмееву, «...высвобождаемое в результате реализации потребительной стоимости время (свободное время) превосходит затраченное рабочее время...» [7, с. 205]. Попробуем понять, к каким последствиям приведет действие закона потребительной стоимости в условиях *сервисно-рендного общества*.

«Комплексное автоматизированное производство» объединяет капиталы в единое целое, и отдельные капиталисты превращаются в одного «комбинированного капиталиста» (К. Маркс). Экономика, почти полностью избавившись от труда, становится неким внешним по отношению к обществу объектом. Обычно исследователи называют «второй природой» культуру. Как нам представляется, на эту роль в будущем больше подходит экономика: вытеснив труд, она, тем самым, как бы самоустранилась из общественных отношений, став для них некой внешней средой или фоном. Статус «базиса» общества при этом экономика не только не утратит, но еще более укрепит. Только впредь этот «базис» уже будет не внутренним, а внешним. Таким образом, понятие «аутопойетической системы» [11, с. 68–70] как нельзя лучше характеризует экономику будущего общества.

Однако превращение всех отдельных капиталистов в одного «комбинированного капиталиста», а экономики – в «аутопойетическую систему» замыкает класс капиталистов в себе. Экономика как «аутопойетическая система» перестает приносить прибыль. Она становится лишь условием получения вчерашними капиталистами ренты, источником которой является внешняя по отношению к экономике социальная среда. Вчерашние же капиталисты, таким образом, теперь больше напоминают наделенное особыми привилегиями средневековое сословие, а точнее, дистанцировавшийся от всего остального общества и паразитирующий на услугах последнего класс рантье.

В отличие от постмодернистов, в частности Ж. Бодрийяра, мы не рассматриваем гипертрофированный рост услуг в современном обществе в качестве подлинной функции капитализма. Указанная тенденция сигнализирует не о воспроизводстве старого, а о становлении

нового общества, названного нами сервисно-рентным. Как бы то ни было, Ж. Бодрийяру удалось весьма точно описать эту тенденцию:

«...Всякий труд сливается с обслуживанием – с трудом как чистым присутствием/занятостью, когда человек расходует, предоставляет другому свое время. Он ”обозначает” свой труд, подобно тому как можно обозначить свое присутствие или преданность. В таком смысле предоставление услуги действительно неотделимо от предоставляющего ее. Предоставление услуги – это отдача своего тела, времени, пространства, серого вещества. Производится ли при этом что-нибудь или нет – не имеет значения по сравнению с этой личной зависимостью. Прибавочная стоимость, разумеется, исчезает, а заработная плата меняет свой смысл <...> Это не ”регрессия” капитала к феодальному состоянию, а переход к реальному господству, то есть к тотальному закабалению и закрепощению человеческой личности» [3, с. 67].

Действие закона потребительной стоимости в условиях сервисно-рентного общества, таким образом, приведет к аккумуляции большей части общественно-свободного времени на стороне класса рантье (главного потребителя услуг) и почти полному исчезновению свободного времени у «прислуги» (основного производителя услуг). Зависимость «прислуги» от класса рантье обусловлена тем, что последний контролирует доступ к материальным благам, поскольку «комплексное автоматизированное производство» находится в его частной собственности.

Однако уже сам факт того, что новоиспеченный класс рантье является всего лишь исторической тенью «комбинированного капиталиста», говорит о непрочности того «базиса», на котором возникает сервисно-рентное общество. «Прибавочная стоимость, разумеется, исчезает...», – цитировали мы чуть выше Ж. Бодрийяра. Между тем, рента есть форма прибавочной стоимости. Таким образом, можно заключить, что *форма* производственных отношений сервисно-рентного общества лишена *содержания*. Рента, следовательно, становится *видимостью*. В самом деле, функцией «комплексного автоматизированного производства» является не только избавление общества от непосредственного участия в процессе материального производства, но и обеспечение материального изобилия. Рентные механизмы в этих условиях создают в обществе искусственный дефицит материальных благ, служат средствами ограничения свободного доступа к ним широких слоев общества, чтобы только обеспечить социальное господство одного класса над другим. Указанное несоответствие формы содержанию будет ретушироваться посредством различных социально-структурных и политических инструментов.

Список литературы

1. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. – М.: Ин-т обществ. проектирования, 2009.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, КДУ, 2006.
4. Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во СГУ, 2005.
5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университ. кн., 2001.
6. Гайдар Е.Т. Экономические реформы и иерархические структуры // Гайдар Е.Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Евразия, 1997.
7. Ельмеев В.Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.
8. Зиновьев А.А. Русская трагедия. – М.: Эксмо, 2003.
9. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. – СПб.: Алетейя, 2009.
10. Кедров Б.М. О повторяемости в процессе развития. – М.: КомКнига, 2006.
11. Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004.
12. Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. – М., 1961.
13. Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. – М., 1962.
14. Маяцкий М. Когнитивный капитализм – светлое будущее научного коммунизма? // Логос. – 2007. – № 4 (61).
15. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Эксмо, 2003.
16. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб.: Питер, 2002.
17. Сунягин Г.Ф. Социальная философия как философия истории. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008.
18. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная революция, 2006.